

Жена мужа в Париж провожала. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Жена мужа в Париж провожала. Василий Макарович Шукшин

Каждую неделю, в субботу вечером, Колька Париков дает во дворе концерт. Выносит трехрядку с малиновым мехом, разворачивает ее, и:

А жена мужа в Париж провожала,
Насушила ему сухарей...
При игре Колька, смешно отклячив зад, пританцовывает.

Тара-рам, тара-рам, тара та-та-ра... рам,
Тари-рам, тари-рам, та-та-та...
Старушки, что во множестве выползают вечером во двор, смеются. Ребятишки, которых еще не загнали по домам, тоже смеются.

А сама потихоньку шептала:
«Унеси тебя черт поскорей!»
Тара-рам, тара-рам, та-та-ра-ра...
Колька – обаятельный парень, сероглазый, чуть скучающий, с льняным чубариком-чубчиком. Хоть невысок ростом, но какой-то очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках, день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая большой город.

– Коль, цыганочку!

Колька в хорошем субботнем подпитии, улыбчив.

– Валюша, – зовет он, подняв голову. – Брось-ка мне штиблеты – цыганочку товарищи просят.

Валюша не думает откликаться, она зла на Кольку, ненавидит его за эти концерты, стыдится. Колька знает, что Валюша едва ли выглядит, но нарочно зовет, ломая голос – «по-тиrolьски», чем потешает публику.

– Валюша! Отреагируй, лапочка!.. Хоть одним глазком, хоть левой ноженькой!.. Ау-у!..

Смеются, поглядывают тоже вверх... Валюша не выдерживает: с треском распахивается окно на третьем этаже, и Валюша, навалившись могучей грудью на подоконник, свирепо говорит:

– Я те счас отреагирую – кастрюлей по башке, кретин!

Внизу взрыв хохочет; Колька тоже смеется, хотя... Странно это: глаза Кольки не смеются, и смотрит он на Валюшу трезво и, кажется, доволен, что заставил-таки сорваться жену, довел, что она выказала себя злой и неумной, просто дурой. Колька как будто за что-то жестоко мстит жене, и это очень на него непохоже, и никто так не думает – просто дурачится парень, думают.

К этому времени вокруг Кольки собирается изрядно людей, есть и мужики и парни.

– Какой размер, Коля?

– Фиер цванцихъ – сорок два.

Кольке дают туфли (он в тапочках), и Колька пляшет... Пляшет он красиво, с остервенением. Враз становится серьезным, несколько даже торжественным... Трехрядка прикипает к рукам, в меру помогает цыганочке, где надо молчит, работают ноги. Работают четко, точно, сухо пощелкивают об асфальт носочки – каблучки, каблучки – носочки...

Опять взвыкивает гармонь, и треплется по вспотевшему лбу Кольки льняной мягкий чубарик. Молчат вокруг, будто догадываются: парень выплясывает какую-то свою затаенную горькую боль. В окне на третьем этаже отодвигается край дорогой шторы – Валя смотрит на своего «шута». Она тоже серьезна. Она тоже в плену

Жена мужа в Париж провожала. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru исступленной, злой цыганочки. Три года назад этой самой цыганочкой Колька «обаял» гордую Валю, больше гордую, чем... Словом, в такие минуты она любит мужа.

Познакомился сибиряк Колька с Валюшой самым идиотским способом – заочно. Служил вместе с ее братом в армии, тот показал фотографию сестры... Сразу несколько солдатских сердец взволновалось – Валя была красавица. Запросили адрес, но брат Валин дал адрес только лучшему своему корешу – Кольке. Колька отправил в Москву свою фотографию и с фотографией – много «разных слов». Валя ответила... Завязалась переписка. Коля был старше Валиного брата на год, демобилизовался раньше, поехал в Москву один. Собралась вся Валина родня –смотреть Кольку. И всем Колька понравился, и Вале тоже. Смутило, что у солдатика пока что одна душа да чубчик, больше ничего нет, а главное, никакой специальности. Но решили, что это дело наживное. Так Коля стал москвичом, даже домой не доехал, к матери.

Стали они с Валюшой жить-поживать, и потихоньку до них стало доходить, что они напрочь чужие друг другу люди. Но было поздно: через год у них народилась дочка Нина, хорошенькая, круглицая, беленькая... Колька понял, что он тут сел намертво. Им сообща – родней – купили двухкомнатную кооперативную квартиру (родные Вали все потомственные портные, и Валя тоже классная портниха). Колька много раз менял место работы, но везде – сто, от силы сто двадцать рублей. А Валя имела до трехсот чистыми. Она работала телеграфисткой: сутки работает, двое дома – шьет.

Горе началось с того, что Колька скоро обнаружил у жены огромную, удивительную жадность к деньгам. Он попытался было воздействовать на нее, что нельзя же так-то уж, но получил железный отпор.

– У нас в деревне и то бабы не такие жадные...

– Заткнись со своей деревней, – посоветовала Валя. – Ехай туда, кому ты здесь нужен!

«Ну и влип... – терзался изумленный Колька. – Как влип!»

Он был парень не промах, хоть и «деревня», сроду не чаял и не гадал, что судьба изобразит ему такую колossalную фигу. В армии он много думал о том, как он будет жить после демобилизации: во-первых, закончит десятилетку в вечерней школе (у него было девять классов), во-вторых... И в-третьих, и в-четвертых – все накрылось. Первый год он мыкался в поисках подходящей работы – сам того не сознавая, он, оказывается, искал работу, которая бы подходила не ему самому, а жене Вале, – таковой не подыскал, махнул рукой, остался грузчиком в торговой сети. Потом родилась дочка, и все свободное время он должен был отдавать ей, так как скучая Валя не наняла старушку, которая бы хоть гуляла с девочкой. Сама же шила, шила, шила. Десятилетка Колькина лопнула. Колька вечером сажал дочку на скамеечку во дворе и играл ей на гармошке и пел кривляясь:

Моя мечта не струйка дыма,
Что тает вдруг в сиянье дня;
Но вы прошли с улыбкой мимо
И не заметили меня.

Дочка смеялась, а Кильке впору было заплакать злыми, бессильными слезами. Он бы и уехал в деревню, но как подумает, что тогда он лишится дочери, так... Нет, это было выше сил, будь они хоть трижды сибирские – крепкие, способные вынести много. Все что угодно, только не это.

Полгода назад приезжала к ним мать Колькина, Валя приняла ее вежливо, но мать все равно боялась ее, лишний раз боялась ступить по квартире, боялась внучку на руки взять... Колька исказнился, глядя на мать. Когда они остались одни, он упрекнул ее:

– Мам, ты че это?

– Че?

– Да какая-то... внучку на руки даже не взяла.

– Да боюсь я, сынок, че-нибудь не так сделаю.

Жена мужа в Париж провожала. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Ну, ты уж какая-то...

– Да ниче, че ты? Посмотрела вот – и слава богу. Хорошо живешь-то, сынок, хорошо. Куда с добром!.. Слава те, господи! И живи. Она бабочка-то ниче, с карактером, правда, но такая-то лучше, чем размазня кака-нибудь. Хозяйка. Живите с богом.

Так и уехала мать с мыслью, что сын живет хорошо.

Когда супруги после ее отъезда поругались из-за чего-то, Валя куснула мужа в больное:

– Что же мамочка-то твоя?.. Приехала и сиди-ит, как... это... Ни обед ни разу не готовила, ни с внучкой не погуляла... Барыня кособокая.

Колька впервые тогда шваркнул жену по загривку. Она, ни слова не говоря, умотала к своим. Колька взял Нину, пошел в магазин, выпил, пришел домой и стал ждать. И когда явились тесть с тещей, вроде не так тяжко было толковать с ними.

– Ты смотри, смотри-и, парень! – говорили в два голоса тесть и теща и стучали пальцами по столу. – Ты смотри-и!.. Ты – за рукоприкладство-то – в один миг вылетишь из Москвы. Нашелся!.. Для тебя мы ее ростили, чтоб ты руки тут распускал?! Не дорос! С ней вон какие ребята дружили, инженеры, не тебе чета...

– Что же вы сплоховали? Надо было хватать первого попавшегося и в загс – инженера-то. Или они хитрей вас оказались? Удовольствие получили – и в кусты? Как же вы так лопухнулись?

Тут они поперли на него в три голоса.

– Кретин! Сволочь!

– А вот мы счас милицию! А вот мы счас милицию вызовем!..

– Живет на все готовенькое, да еще!.. Сволочь!

– Голодранец поганый!

– Кретин!

Дочка Нина заплакала. Колька побелел, схватил топорик, каким мясо рубят, пошел на тестя, на жену и на тещу. Негромко, но убедительно сказал:

– Если не прекратите орать, я вас всех, падлы... всех уложу здесь!

С того раза поняли супруги Параторы, что их жизнь безнадежно дала трещину. Они даже сделали вид, что им как-то легче обоим стало, вольнее. Валя стала куда-то уходить вечерами.

– Куда это? – спрашивал Колька, прищемив боль зубами.

– К заказчикам.

Спали, впрочем, вместе.

– Ну как заказчики? – интересовался ночью Колька, и похлопывал жену по мягкому телу, и смеялся – не притворялся, действительно смех брал, правда, нервный какой-то смех.

– Дурачок, – спокойно говорила Валя. – Не думай – не из таких.

– Вы не из таких, – соглашался Колька, – вы из таковских.

Бывало, что по воскресеньям они втроем – с дочкой – ездили куда-нибудь. Разва три ездили на ВДНХ. Заходили в шашлычную, Колька брал шашлыки, бутылку хорошего вина, конфет дочери... Вкусно обедали, попивали вино. Колька украдкой взглядывал на жену, думал: «Что мы делаем? Что делаем, два дурака?! Можно же хорошо жить. Ведь умеют же другие!»

Смотрели на выставке всякую всячину, Колька любил смотреть сельхозмашины, подолгу простоявал перед тракторами, сеялками, косилками... Мысли от машин перескакивали на родную деревню, и начинала болеть душа. Понимал, прекрасно понимал: то, как он живет, это не жизнь, это что-то очень нелепое, постыдное, мерзкое... Руки отвыкли от работы, душа высыхает – бесплодно тратится на мелкие, мстительные, едкие чувства. Пить научился с торгашами. Поработать не поработают, а бутылки три-четыре «раздавят» в подвале (к грузчикам еще пристегнулись продавцы – мясники, здоровые лбы, беззаботные, как колуны). Что же дальше? Дальше – плохо. И чтобы не взглядываться в это отвратительное «дальше», он начинал думать о своей деревне, о матери, о реке... Думал на работе, думал дома, думал днем, думал ночами. И ничего не мог придумать, только травил душу, и хотелось выпить,

«да что же?! Оставляют же детей! Виноват я, что так получилось?»

Люди давно разошлись по домам... А Колька сидит, тихонько играет подбирает что-то на слух, что-то грустное. И думает, думает, думает. Мысленно он исходил свою деревню, заглянул в каждый закоулок, посидел на берегу стремительной чистой реки... Он знал, если он приедет один, мать станет плакать: это большой грех – оставить дите родное, станет просить вернуться, станет говорить... О господи! Что делать? Окно на третьем этаже открывается.

– Ты долго там будешь пилить? Насмешил людей, а теперь спать им не даешь. Кретин! Тебя же счас во всех квартирах обсуждают!

Колька хочет промолчать.

– Слышишь, что ли? Нинка не спит!.. Клоун чертов.

– Закрой поддувало. И окно закрой – она будет спать.

– Кретин!

– Падла!

Окно закрывается. Но через минуту снова распахивается.

– Я вот расскажу кому-нибудь, как ты мечтал на выставке: «Мне бы вот такой маленький трактор, маленький комбайник и десять гектаров земли». Кулачье недобитое. Почему домой-то не поехал? В колхоз неохота идти? Об единоличной жизни мечтаете с мамашей своей... Не нравится вам в колхозе-то? Заразы. Мещаны.

Самое чудовищное, что жена Валя знала: отец Кольки, и дед, и вся родня – бедняки в прошлом и первыми вошли в колхоз, Колька ей рассказывал.

Колька ставит гармонь на скамейку... Хватит! Надо вершить стог. Эта добровольная каторга сделает его идиотом и пьяницей. Какой-то конец должен быть.

Скоро преодолел он три этажа... Влетел в квартиру. Жена Валя, зачуяв недоброе, схватила дочь на руки.

– Только тронь! Только тронь посмей!..

Кольку било крупной дрожью.

– П-положь ребенка, – сказал он, заикаясь.

– Только тронь!..

– Все равно я тебя убью сегодня. – Колька сам подивился – будто не он сказал эти страшные слова, а кто-то другой, сказал обдуманно. Дождалась ты своей участии... Не хотела жить на белом свете? Подыхай. Я тебя этой ночью казнить буду.

Колька пошел на кухню, достал из ящика стола топорик... Делал все спокойно, тряска унялась. Напился воды... Закрыл кран. Подумал, снова зачем-то открыл кран.

– Пусть течет пока, – сказал вслух.

жена мужа в Париж провожала. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Вошел в комнату – Вали не было. Зашел в другую комнату – и там нет.

– убежала. – Вышел на лестничную площадку, постоял... Вернулся в квартиру. – Все правильно...

Положил топорик на место... Походил по кухне. Достал из потайного места початую бутылку водки, налил стакан, бутылку опять поставил на место. Постоял со стаканом... Вылил водку в раковину.

– Не обрадуетесь, гады.

Сел... Но тотчас встал – показалось, что на кухне очень мусорно. Он взял веник, подмёл.

– Так? – спросил себя Колька. – Значит, жена мужа в Париж провожала? – Закрыл окно, закрыл форточку. Закрыл дверь. Закурил, курнул раза три подряд поглубже, загасил папиросу. Взял карандаш и крупно написал на белом краешке газеты: «Доченька, папа уехал в командировку».

Положил газетку на видное место... И включил газ, обе горелки...

Когда рано утром пришли Валя, тестя и теща, Колька лежал на кухне, на полу, уткнувшись лицом в ладони. Газом воняло даже на лестнице.

– Скотина! И газ не... – Но тут поняла Валя. И заорала.

Теща схватилась за сердце.

Тесть подошел к Кольке, перевернул его на спину.

У Кольки не успели еще высохнуть слезы... И чубарик его русый был смят и свалился на бочок. Тесть потряс Кольку, приоткрыл пальцами его веки... И положил тело опять в прежнее положение.

– Надо... это... милицию.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!